

4 Кружок 69

ГОД 20-й, В ОКТЯБРЕ

В городе Горьком, в литературном музее А. М. Горького, есть такая традиция: каждый год 20 октября открывается крышка старинного «Бехштейна» и звучит «Аппассионата». Звуки бетховенской сонаты напоминают одну историю...

«Приезжая в Москву, Алексей Максимович жил в Машковом переулке, дом 1, кв. 16, где жила я с сыном Максимом Алексеевичем, — рассказывала Екатерина Павловна Пешкова. — После переезда правительства в Москву Алексей Максимович часто виделся с Владимиром Ильичем...

...Мне помнится, что это было 18 или 20 октября 1920 года... Алексей Максимович встретил Владимира Ильича в передней, и они прошли в кабинет Алексея Максимовича. Но скоро оба вышли в столовую, видимо, продолжая разговор о положении ученых и писателей, об их быте... Сели за стол, где был приготовлен кофе...

Алексей Максимович перевел разговор на литературу, горячо настаивал на необходимости поддерживать начинающих писателей из народа...

В это время пришел Исай Александрович Добровейн, пианист, которого Алексей Максимович пригласил, чтоб тот поиграл Владимиру Ильичу».

В те годы имя пианиста Добровейна было довольно известно. Его концерты имели успех. Несмотря на свою молодость (ему было тогда 26 лет), Добровейн преподавал в Московской консерватории и дебютировал как дирижер в Большом театре. С Горьким Добровейна связывала давняя дружба. Они познакомились еще в Нижнем Новгороде, где прошли детские годы пианиста. Добровейн дорожил суждениями и советами знаменитого писателя. В свою очередь, Алексей Максимович, веря в большое будущее молодого музыканта, всячески поддерживал его и бывал на его концертах.

Сохранилось письмо Горького к Добровейну: «Ваша музыка и артистически совершенное исполнение ее Вами действуют на меня с огромной силой, магически освежая душу.

Когда я слушаю Вас, я слышу жалобы, стоны и роковые вопросы.

мировой души, ее неукротимый бунт, ее печаль и драму. Вы — большой поэт. Я немало слышал музыки, но редко испытывал с такой поглощающей меня силой ощущение красоты и радости, как испытываю это, слушая вас...»

Вернемся к воспоминаниям Е. П. Пешковой:

«Зная, что Алексей Максимович любит Грига, Добровейн начал с него, потом играл Моцарта, Раavelя, Рахманинова...»

Владимир Ильич попросил сыграть «Аппассионату» Бетховена. Владимир Ильич был взволнован...»

Слушал игру Добровейна Ленин не только на квартире Е. П. Пешковой. Многие воспоминания свидетельствуют, что он бывал на концертах пианиста за рубежом в годы эмиграции и в Москве.

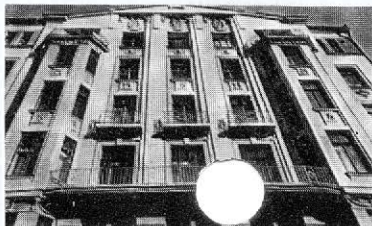
В апреле 1920 года, за полгода до встречи на квартире у Е. П. Пешковой, в здании Московского комитета партии состоялся коммунистический вечер, посвященный пятидесятилетию со дня рождения В. И. Ленина. Известно, что на торжественную часть юбиляра приехать отказался, считая, что парадные дифирамбы в его адрес излишни.

«Когда провели первое отделение, т. е. воспоминания о Ленине, я позвонил ему по телефону, — писал А. Ф. Мясников, бывший в те годы секретарем Московского комитета партии, — ...заявил, что мы его приглашаем на концертное отделение, на котором будут присутствовать его любимые артисты... Он тогда рассмеялся, согласился...»

В стенографическом отчете о вечере значится:

«Следует музыкальная часть вечера».

И только много лет спустя в воспоминаниях писательницы С. С. Виноградской была раскрыта сухая строка стенографического отчета. «Концерт начался. Ленин сел влево от музыкантов. Рядом с ним сидел известный пианист Добровейн. Откинувшись на спинку стула, сложив руки на груди, слушал Ленин, как знаменитое трио исполняло Чайковского. Ленин сидел вполборота к залу, чуть наклонясь к Добровейну. Временами Ленин ронял неслышное слово, и музыкант отвечал ему. Глаза Ленина были задумчиво-сосредоточенны-

ми... Отзвучали скрипки... Добровейн поднялся со своего стула и направился к роялю. Под белыми, вдруг взмывшими, как птицы в полете, руками пианиста зазвучал Бетховен. А из узкого длинного зала товарищи смотрели, как слушает захватившую его «Патетическую сонату» Ленин...»

Четверть века И. А. Добровейн выступал с концертами в городах Европы и Америки как дирижер. Умер он в 1953 году в Осло. Недавно его архив был передан в Музей музыкальной культуры имени Глинки.

М. ДОБРОСЛАВСКИЙ

Рояль, на котором играл И. Добровейн.

Дом № 1 на улице Чапыгина (бывший Машков переулок).

Дирижер и пианист И. Добровейн. Фото из архива музыканта.

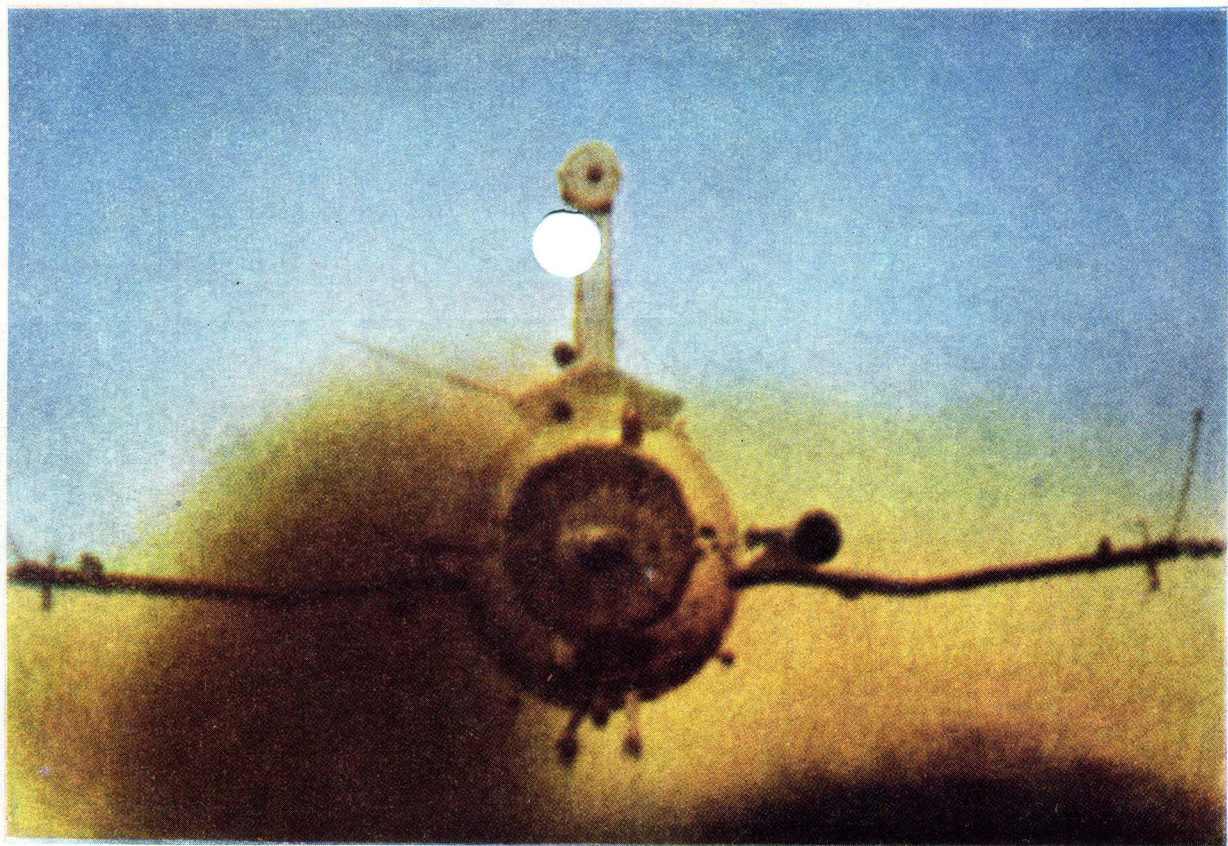

КОСМО-

СТРОИТЕЛИ

В космические дни января микрофон корреспондентов «Кругозора» зафиксировал два события, неповторимых, как и все в космостроительстве. Слушайте на третьей звуковой странице: ночь перед стартом. В. Шаталов, Б. Воынов, Е. Хрунов, А. Елисеев: первые впечатления после полета «Союза-4» и «Союза-5».

Владимир Шаталов. «Я был счастлив, что на борту нас уже трое,— целый коллектив, и вдруг я еще получаю письма из дома, газеты с сообщениями о выведении моего корабля на орбиту».

Евгений Хрунов. «Неожиданно на зоне облачности я увидел летящий предмет. Я воскликнул: «Вижу «Союз-4!» — но еще не был в этом уверен. А когда взгляделся, то увидел контуры корабля. Было очень радостно, что мы летим в космосе строем, как в прошлом я летал на самолете».

Борис Волынов. «Поезд из стыкованных кораблей на орбите управлялся отлично, корабли были послушны, как одно целое. Но вот журнал вел себя...»

Алексей Елисеев. «Функция бортинженера космического корабля сходна с функциями бортинженера самолета. В полетном задании мне предписывалось выполнение целого ряда научных экспериментов, но основная задача была — контроль бортовой аппаратуры, системы управления корабля».

Казалось, известно уже все. Но вот снят гриф секретности с документов, которые представляли тайну особой важности, и теперь мы можем дополнить историю подвига Зои Космодемьянской, восстановить последние часы ее жизни.

Осень 41-го года. Враг приближался к Москве. Потребовались добровольцы для выполнения задания в тылу врага. Претендующих на каждое «вакантное место» оказалось до ста человек.

Формировал и отправлял эти отряды за линию фронта Артур Спрогис.

Опытный разведчик «камарадо Артуро» боролся с испанским фашизмом под Малагой и Мадридом. Он воевал под руководством главного военного советника республиканской армии Яна Карловича Берзина, того самого легендарного «Старика», который осуществлял многие стратегические разведывательные акции, в том числе операцию «Рамзай» Рихарда Зорге. «Камарадо Артуро» за подвиги на испанской земле был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

В первый день Великой Отечественной Спрогис направлен в Белоруссию для организации партизанской борьбы. В сентябре 41-го он провожал за линию фронта, под Оршу, отряд Константина Заблонова...

Враг подошел к столице. Артуру Карловичу дано новое поручение: формировать отряды для действий во вражеском тылу. Публикуемый документ — задание, которое дал Спрогис одной из разведывательно-диверсионных групп в начале ноября 1941 года:

«Вам надлежит перейти линию фронта противника и проникнуть в глубину его расположения с задачей:

I. Воспрепятствовать подвозу боеприпасов, горючего, продовольствия и живой силы путем взрыва и поджога мостов, минирования дорог, устройства засад в районе: дорога Шаховская — Князьи Горы.

II. Уничтожение отдельных машин и живой силы — офицеров и солдат противника, стараясь захватить опердокументы... Уничтожение телефонно-телеграфной связи... Уничтожать склады боеприпасов, горючего и продовольствия...»

На листе — пометка: «Срок работы 10 дней».

В группу входило двенадцать человек. Десятой по списку была: «Космодемьянская Зоя А. 1923. Русская. ВЛКСМ. Москва-130, Александровский проезд, дом 7, кв. 12».

Выполнив первое задание, группа возвратилась в часть в полном составе.

**«вам надлежит
перейти
линию фронта»**

20 ноября Артур Карлович подобрал новую группу, назначив ее командиром восемнадцатилетнего Павла Проворова, кандидата в члены партии. Самому старшему бойцу этой группы, комсомолке Наталье Обуховой, было 23 года, младшему — Николаю Морозову — шестнадцать. Вот полный список этой группы: кроме уже названных, комсомольцы Алексей Голубев, Иван Емельянов, Иван Кирюхин, Вера Волошина, Клавдия Милорадова, Зоя Космодемьянская и беспартийный Василий Клубков.

Этой группе поручалось проникнуть за линию фронта и уничтожить военные объекты противника в Анашкино, Пушкино, Михайловском, Петрищево... «Срок выполнения задания 5—7 дней с момента перехода линии фронта. По прибытии в расположение частей Красной Армии в штабе, докладывайте все, что вам известно о противнике».

23 ноября 1941 года в районе Обухова, на Можайском направлении, группа Павла Проворова вместе с группой Бориса Крайнова перешла передовую и углубилась во вражеский тыл.

Что было дальше? Борис Крайнов после возвращения в часть доложил:

«...Решил соединиться с группой Проворова. Было решено выполнить задачу этой сборной группой... Со мной остались Космодемьянская и Клубков. Проворов должен был заминировать дорогу Верее — Дорохово и на обратном пути нечь военные объекты в деревнях. Я решил с двумя товарищами поджигать объекты. Дошли до Петрищево. На место сбора Клубков и Космодемьянская не явились. Ждал до утра...»

Вскоре после начала контрнаступления советских войск под Москвой была освобождена деревня Петрищево, и весь мир узнал о подвиге «Тани». Но еще за несколько дней до этого майор Спрогис написал в Московский комитет ВЛКСМ:

«Сообщаю, что комсомолка Космодемьянская Зоя Анатольевна... при выполнении специального задания командования разведывательного отдела штаба Западного фронта 30-го ноября — 1 декабря 1941 года в деревне Петрищево Верейского района была казнена немецкими фашистами.

Оставаясь до конца преданной делу партии, социалистической родине и Ленинскому комсомолу, т. Космодемьянская Зоя Анатольевна умерла смертью героя...»

V. ПОНИЗОВСКИЙ

*Об этом и других эпизодах
своей жизни
рассказывает
на второй звуковой странице
Артур Карлович Спрогис.*

Этот снимок сделан в артистическом фойе Октябрьского концертного зала в Ленинграде. Вы, конечно, узнали людей, взятых на прицел фото-корреспондентом. М. Г. Фраддин, Е. Э. Жарковский, Ю. В. Силантьев, А. Я. Эшпай, Д. Я. Покрасс, А. Г. Флярковский, А. Н. Пахмутова, Л. И. Ошанин, С. С. Туликов, А. Я. Лепин, О. Б. Фельцман, Э. С. Колмановский, Б. М. Терентьев, Д. А. Прицкер — композиторы, музыканты, поэты, отдающие силы и талант советской песне.

Что же привело их в Ленинград?

Имена авторов новых песен на слуху. Все знают песню, поют и, конечно, спорят. Теми ли путями развивается советское песенное творчество сегодня? — беспокоятся одни. Другие советуют: не вмешивайтесь в стихию новых песенных потоков!

Кто прав? А может, оглянуться назад, вспомнить, как рождались советские песни прошлых

десятилетий? Как утверждались они, становясь звучащими эмблемами нашей жизни?

Так примерно родилась идея песенной антологии: два ленинградских концерта советской песни, посвященных полувеку ее существования, сто лучших песен советского времени, песенная история страны.

В концертах приняли участие все поколения композиторов: от Покрасса до самых молодых — Колкера и Поклакова. Ветераны советской эстрады — Шульженко, Бернес, Бунчиков, Нечаев, Флакс, Нестерова — в одних программах с исполнительской молодежью. И получилось празднество песни. Не праздник, а именно празднество, посвященное воспоминаниям о классике и размышлениям о сегодняшнем дне советской песни.

Ленинград

А. ЧЕРНОВ

Фото А. Лидова

ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОНЦЕРТ

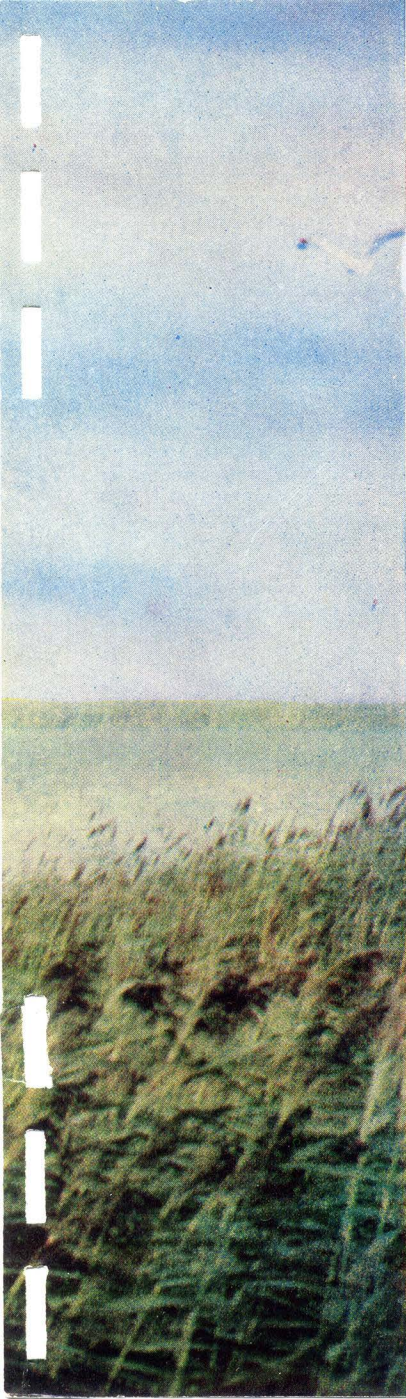

Тазлиб

Имя старого питерского рабочего Николая Александровича Емельянова широко известно. В трудную пору июльских дней 1917 года Емельянов помог Владимиру Ильичу укрыться от ищеек Временного правительства. Это он увез В. И. Ленина на станцию Разлив, на сенокос, в местечко, теперь столь знаменитое и памятное всем.

Николай Александрович — член партии с 1904 года, участник штурма Зимнего дворца, военный комиссар, председатель Сестрорецкого исполкома — при жизни В. И. Ленина много раз выполнял его задания, как один из самых доверенных и надежных людей партии.

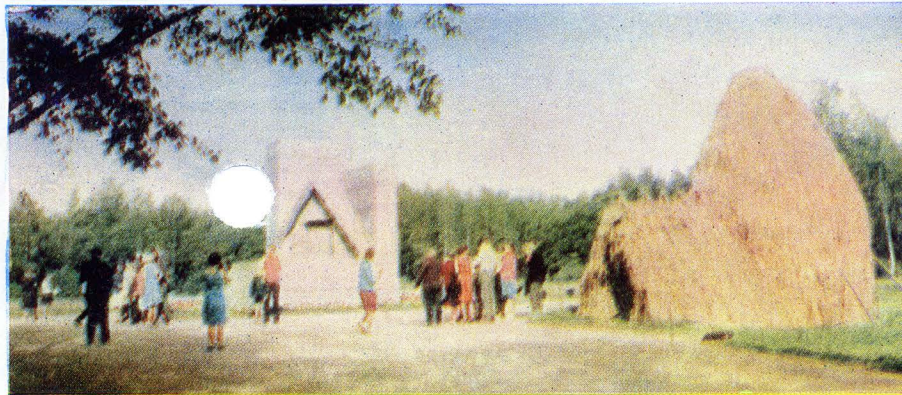
С магнитофонной ленты. Рассказывает Николай Александрович Емельянов. Запись сделана в середине пятидесятих годов:

«Это был наказ от ЦК. Время было летнее, начало июля, а местность наша дачная, народу шляющегося кругом больше, чем надо, потому, конечно, ЦК не зря заботился об особой осторожности.

На обдумывание мне дали двое суток. Я решил снять покос и туда повести Ильича как финна, нанятого на сенокосную пору.

Место я выбрал дальнее, дикое, кругом лес. Так, нечаянно, неспроста, люди туда зайти не могли, потому как болото — места не ягодные и не грибные.

Когда все было готово, поехал в условленный час за Ильичем. Решили везти его ночным поездом. Этим поездом обычно возвращался в пригороды подгулявший народ. Поезд так и назывался — «пьяный».

Ожидаю. Ильича нет. Думаю: что-то случилось. Осталось несколько минут до отхода, вдруг кто-то идет. Гляжу Ильич — мы были знакомы еще с 1905 года. Поздоровались. Я начал торопить. Ильич попрощался с товарищами, и мы полезли под вагоны товарного, который стоял на первом пути. Так через несколько составов вышли к «пьяному» поезду. Когда кондуктор давал отправление, Ильич вскочил в последний вагон, я за ним. В вагон мы не пошли. Остались на площадке. Ильич спустился на последнюю ступеньку вагонной лесенки и сел, объяснив, что так удобнее будет соскочить, если что... Я его останавливал, говорил, что на ходу удержаться трудно, можно сорваться. «Ничего, я цепкий», — ответил Ильич и тихо засмеялся.

Так вот и доехали. Постель мы ему приготовили в сенном сарае. Жена перину туда подняла. Ильичу понравилось. «Чистенько тут у вас. Хорошо».

Утром я обрил ему усы, как носили финны. Выпили по стакану чаю и стали собираться в дорогу. В две лодки уложили вещи, косы, я взял с собой двух сыновей, средних, и лодки тронулись в Разлив, где Ильич провел четырнадцать дней».

Окончание рассказа Н. А. Емельянова на первой звуковой странице журнала.

Фото А. Гостева

Константин Георгиевич Паустовский был уже сложившимся писателем, когда поселился в средней полосе России.

Здесь, в лесном Мещерском крае, он нашел то, что было так мило его сердцу, — «счастье близости к своей земле, сосредоточенности и внутренней свободы, любимых дум и напряженного труда». Именно здесь, в селе Солотча, Паустовский написал цикл рассказов «Летние дни». Это рассказы о рыжем тощем коте, что измучил всех своими набегами на все, имевшее хоть отдаленное отношение к съестному; о щенке Мурзике, который разрыз пробку от резиновой надувной лодки; об огромном золотом лине, выловленном автором и его другом-писателем на удивление и зависть местных жителей.

Вспомнив эти рассказы, многим хорошо знакомые, вы вспомните и мальчика, любившего выдумывать всякие истории и выдавать их за правду, и поймете, для какой книги Константин Георгиевич предназначал вместо предисловия свою «Предательскую осень».

То ли автор не успел прислать рукопись к нужному сроку, то ли само издательство решило, что она несколько выпадает из стиля остальных рассказов, но «Предательская осень» в книгу не попала. К счастью, рукопись не затерялась.

Перед нами не предисловие и не рассказ, а лирическое размышление, столь характерное для поэта в прозе.

Л. ЛЕВИЦКИЙ

Мне нужно было написать еще один небольшой рассказ, чтобы читателю было совершенно понятно все, описанное в этой книге. Но было лето. Стояла жара, седая от дыма лесных пожаров. В тихие речные затоны медленно падал дождь из сгоревших березовых листьев. Стаи диких птиц, спасаясь от пожара, проносились над деревней, а на занатах срывались страшные песчаные бури. Писать было невозможно.

Я ждал осени, ненастья, когда я поневоле буду привязан к дому, к дощатому столу и наконец напишу давным-давно обещанный рассказ. Но пришла осень, зашуршали дожди, и в первый же ненастный день я услышал далекий и печальный крик журавлиных стай, летевших к югу. Я завидовал птицам — через несколько дней блеск

дением вспоминал все, уже написанное другими об осени. Я вспоминал Пушкина: «Унылая пора, очей очарованье, приятна мне твоя прощальная краса», и Тютчева: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора», и еще много других прекрасных стихов, и мне казалось, что все они написаны об осени в тех местах, где я жил, — около села Солотча, в Мещерском крае, к северу от Рязани. И я опять не написал ни строчки.

Однажды ночью я проснулся от горького винного запаха — он проник вместе с ночным ветром через открытое окно. Раньше я этого запаха не замечал. Это было первое дыхание настоящей осени, — она уже шелестела до горизонта дождем палой листвы. Утром я вышел на крыльцо, — вче-

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ

Черного моря ударит им в глаза, и соленый полуденный ветер взърошит их перья.

Дожди и ветры уже шумели в сосновых лесах, но в зарослях было тихо и тепло, как в запертой комнате. На полянах доцветала сухая и растрепанная белая гвоздика и ползли из-под земли, похожей на золу, тугие белые грибы.

«Каждая осень может быть последней в жизни», — говорил я себе и старался не вспоминать огорченное лицо редактора, напрасно дожидавшегося моего рассказа в шумной и асфальтовой Москве.

Осенняя печаль. Говорят, она вызывает желание писать, но случилось совсем иначе. Я бродил по лесам и с невыразимым наслаж-

рашняя черная земля стала золотой. Бледный желтоватый свет подымался от земли, засыпанной листьями, и дни сразу сделались светлее и чище.

Начиналось бабье лето. Воздух, трава, сухие ветки — все было затянато цепкой паутиной. Она тянулась с запада на восток — так дуют осенние ветры. Каждое утро тысячи маленьких пауков покрывали всю землю, как сказочные ткачи, своей пряжей.

Ледяное небо по ночам блистало над садом неведомыми созвездиями. Я плохо знал звездное небо. «Каждая такая ночь может быть последней в жизни», — говорил я себе и торопился изучить величественную карту неба. Сириус сверкал в глухой воде озер, как синий алмаз. Я видел созвездие

Дельфина, и туманные огни, что носят название Волосы Вероники, и огненную черту Персея. Сатурн подымался над безмолвием сосновых боров в осенние сумерки, когда на востоке ясно видна пепельная тень от северного полушария Земли. Юпитер закатывался в лугах, за Окой, где уже вяли травы и почернели брошенные и ненужные по осени сенокосные дороги. И я, конечно, не написал ни строчки.

В реке начали брать шелесперы — серебряные и сильные рыбы, а по вечерам я топил в избе печь, слушал треск огня и скрип веток по ветхой крыше и читал.

Иногда в полночь робкий дождь начинал перешептываться в одиночном саду. Я выходил на порог, долго прислушивался к сонному бормотанию дождя и жалел дале-

ОСЕНЬ

Константин
ПАУСТОВСКИЙ

них, милых друзей, прекрасных друзей, оставшихся в Москве.

А ночью мне снилась зеленая морская вода, покрытая листьями лип и берез. Внезапно листья оживали, превращались в золотых плоских рыб и с плеском разлетались по воде, испуганные отражением бледного солнца.

Такою осенью я, конечно, ничего не написал. Читатели и редактор простят меня за это. А если нужны объяснения к рассказам, то их можно дать в нескольких словах. Все, что рассказано дальше, случилось около села Солотча теплым и тихим летом. Рувим — это писатель Фраерман, а мальчик нам — двоим мужчинам — поручила его мать, — сама она не могла приехать в деревню. Вот и все. Остальное вы прочтете сами.

Ходжанепес ЧАРЫЕВ

ПЕРВЫЙ КАРАВАН КОЛХОЗА

Из конца в конец аула напрямик
Нескончаемый струился караван.
Хоть в песнах аул раскинулся

велик,
Все же в нем не уместился
караван.

— Караван увозит лучшую
из дев?..

— Это свадьба?..
— Где ж традиция одежд?..

И, процессию получше разглядев,
Понимаешь: здесь не свадебный
кортеж.

Назначение его понять хочу.

На погонщиков веселых погляди:

Подгоняют караван,
Кричат: «Хай! Чув!» —

С двух сторон — и впереди

и позади.

В головах самец-верблюд, или

«инер».

Груз — мешков четыре пары

на спине.

«Голубым» его зовут, хоть он

и сер.

Не согнется, хоть нагрузите

вдвойне.

Он вышагивает царственно, легко,

Груз огромный для инера ничем.

И к хатабу¹ приторочено древно.

Знамя ярко пламенеет над седлом.

Так свободен и красив инера ход,

Словно он под байской палкой

не бежал,

Словно не было ни баев,

ни господ —

Век дайханам урожай

принадлежал.

Нет, сюда не возвратится

бай-ишан.

Здесь не свадьба,

Но вокруг веселый гул.

Караван, по вожаку равняя шаг,

Урожай везет в район через аул.

Праздник!

Люди веселятся от души,

¹ Хатаб — деревянная часть

верблюжьего седла.

Столько радости на лицах
у дайхан.

Хоть невесту не везут
гельналыджи¹,

Как на свадьбе,

Весел красный караван.

На горбах несут верблюды урожай.

До чего же у людей счастливый

вид!

Только, спрятавшись

за камень, старый бай

Сокрушенно каравану вслед

глядит.

О прибытии каравана извещен,

Город горд...

Вот-вот покажется верблюду.

И несется ребятня со всех сторон,

У дувалов аксакалы важно ждут.

Демонстранты и оркестры начеку,

Подготовил речь районный

секретарь.

И турменна, подперев рукой

щеку,

Как избранника встречая,

Смотрит вдаль.

Груз тяжелый каравану не тяжел:

Не бывает своя ноша тяжела.

И колхозников из всех

окрестных сел

И рабочих эта встреча привлекла.

И конца ему не видно — вот

размах!

Грузноват, тяжеловесен и упрям,

С голубым большим верблюдом

в головах

Сивозь пески шагает красный

караван.

несвершенных...

Небосводу грезится земля,

А земле — бездонность небосвода.

Ночью бредят городом поля

Или снится городу природа.

Только матерям и вдовам сны

Бесконечно дороги и святы:

В грезах возвращаются с войны

Навью убитые солдаты.

Переводы с туркменского
Алиси́ма Кронгауза

¹ Гельналыджи — в традиционном свадебном обряде всадники, увозящие невесту.

На первой странице обложки: «Праздник хлопка». Рисунок народного художника Туркменской ССР И. Клычева.

ТАИНСТВО РУССКОЙ ПЕСНИ

Артем ГАЛЬПЕРИН

Как будто одно из открытий академика Амбарцумяна состоит в том, что далекие пылающие миры, видимые на темном бархате домашнего, обжитого неба, рождаются на наших глазах. Человек, привыкший к знакомому рисунку раскинувшейся паутины созвездий, с недоверчивым удивлением всматривается в точку, где заработала мигалка нового света.

Об этом подумалось, когда в коридоре Ленинградской консерватории мы завели разговор с Вадимом Николаевичем Салмановым об эволюции песенного фольклора. В общем-то этот фольклор тоже кажется огромному большинству людей неподвижным небосклоном, на котором устойчиво сверкают давние ориентиры. Как только заходит речь о фольклоре, мысль автоматически поворачивается к старине, к желтой бумаге с киноварными знаками, к ветхой штукатурке надписей, а то и просто к старикам и старухам—хранителям всех семи печатей народного слова и музыкотворчества.

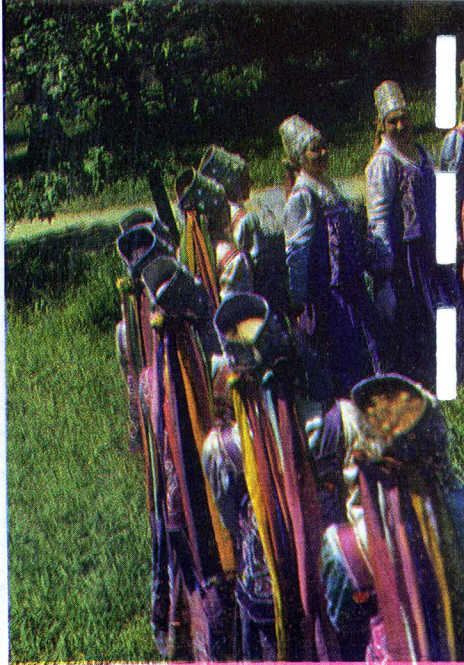
— Да...— продолжал диалог Салманов,— конечно, звезды в этих сферах рождаются, быть может, реже, чем того хотелось, но перемены совершаются с завидным постоянством. В наш фольклор проникают городские интонации, идет процесс вливания песен, сочиненных композиторами. Изменение идет* в сторону от крестьянской песни, стрелка показывает на город. Но меня интересует как раз Песнь Крестьянина. Причем Песнь в смысле интонационном. Можно выискивать ритмические тонкости и сложности в народных созданиях. Можно с головой по-

грузиться в глубины архаики. Но, на мой взгляд, великое таинство русской народной песни заключено в интонации. Остались какие-то попевки, свойственные определенному состоянию человека, допустим, заплачки. В этих заплачках характерны как бы раскачивающиеся мелодические ходы. Поначалу расстояние между звуками мало, не больше малой терции. И вот постепенно начинается нагнетание. Оно неостановимо, как инерция колокола, разбу-

женного звонарем. Кульминация достигает почти трагедийной силы. Вот этот разворот занимает меня больше, нежели ритмическая орнаментика.

Салманов говорил увлеченно, он рассказал мне о своей работе над хоровым концертом «Лебедушка». Вернувшись из Ленинграда, я подолгу слушал родниковой чистоты салмановские хоры. Проступали прекрасные слова. «Туманы мои темные, ничегохонько было...» — одна эта фраза чего стоит! Салманов говорил мне, что тексты он взял из свода народных лирических песен. Но я тщетно искал в книге стихов первую часть «Лебедушки» — «Высоко ли, высоко ли». Позвонил в Ленинград. «Ничего и не найдете,— послышался салмановский тенор.— Другие тоже искали... Это я сам написал».

Фото В. Дружкова,
З. Вишневого

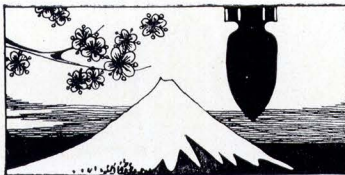

Ояр ВАЦИЕТИС ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

Армии еще существуют.
Но нет у ракеты
живого, трепещущего хвоста,
не растет у танка косматая грива.
Кончена служба твоя, кавалерия.
Но нельзя же вот так уходить —
молча, не глядя.
Были лошади в мыле,
гремели тачанки,
в наше сегодня летели.
Это наши отцы воевали.
И на лезвиях сабель твоих
их свобода летела,
судьба их детей,
счастье их внуков.
Простите, погибшие кони, за то,
что не было часто и сена для вас
у тех, кто падал с седла на скану
во время атаки.
Простите, погибшие кони, за то,
что в грозные, черные дни,
в час нелегкий для родины нашей,
для ваших лугов —
вам на танки идти приходилось...
Что ж, конники шли!
А они были тоже из плоти,
и в этом хрупком сосуде
навстречу металлу несли
горячие красные души.
Кони, кони! Но разве вы знали,
что значит — душа?
Ты свободна теперь, кавалерия,
королева степей и гражданской
войны!
На страницах истории, в наших
сердцах
и в глыбах гранита
ты останешься врезанная навеки.
Всякий раз будем мы о тебе
вспоминать,
вспоминать о седлах и саблях,
всякий раз — в начале весны.
По ночам в эту пору
на братском кладбище
доломит оживает,
кони каменные оживают
и, почувствовав запах
оттаявшей почвы,
бьют копытами, ржут...
Разве речь наша выразить может,
как им хочется в поле — пахать?

Переводы с латышского
А. Ревича.

Владимир БЕЕКМАН ЯПОНСКИЕ КУКЛЫ

На стене две игрушки, две куклы,
деревянные куклы из вишни,
мне прислали их из Хиросимы, —
привкус пепла в названии этом.
В их глазах, по-японски раскосых,
за прищуром скрываются мысли,
в головах деревянных,
поникших
вешней вишни цветы облетают.
Вместе с городом Хиросима,
чье название с привкусом пепла,
эта вишня однажды погибла
утром, в День Превращения
в Пепел.

Из нее кто-то вырезал кукол
с грустным взором,
с японским прищуром,
и цветы ее
тонкою кистью
кто-то вывел на платьицах кукол.
Как-то в гости пришел мой
приятель,
на игрушки взглянул он
с опаской
и спросил:
— Ты уверен, что с ними
не пришло к тебе в дом
облученье?
Откровенно сказал: — Ты уверен,
что они проходили проверку?
И добавил:
— Ведь с этим не шутят.
На стене две игрушки, две
куклы...

Если снова придет мой приятель,
дозиметром докажет мне:
— Видишь?
Радияция.
Крайне опасно...
Все равно я не выброшу кукол.
Днями жизни готов расплатиться,
но не стану в свинцовые стеньги
прятать сердце от всех
излучений.
На стене две японские куклы,
две игрушки из вишни погибшей.

ДЕВУШКИ МОИХ ШКОЛЬНЫХ ВЕЧЕРОВ

Вечеров моих школьных девушки
тащат сумки, бредут усталые.
Дома дети, заботы семейные,
тяжесть будней на плечи легла.
Встретишь изредка

одноклассника,
на макушке лысына светится.
Малый гордый был и уверенный,
а ведь сколько сбил каблучков.
Не заметил — а лет прибавилось,
не заметил — а дело к старости,
дети выросли, время катится.
Что поделаешь, время идет!
Споры, свары и неурядицы,
деньги, глупые подозрения.
Где же синяя птица юности?
Улетела юность искать.
Рано, рано оружие складывать,
туфли стоптанные разыскивать,
до зимы еще время немалое,
все заветное — впереди.
Смех храните, в глазах

сверкающий,
до последнего вальса щемящего,
школьный вечер храните
и девушек,
все, что было единственный раз.

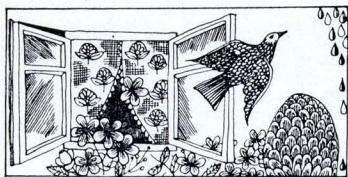
Матс ТРААТ

В БЕЛОЙ ДЕРЕВНЕ

Штопает мать бельё сыновьям.
Пойдут они сосны валить.
Лег заснеженный день меж
домиками.
Но что лесорубам эти сугробы,
Эти свисающие сосульки!

Пускай восхищаются ими поэты
 В зеленом домике с заиндевелой
 верандой.
 Пила остра, как слово мужнины.
 Не на что вам надеяться, сосны,
 Не ждите пощады, серые осины.
 Штопает мать белье сыновьям.
 В очках сурова она, как
 инспектор.
 На рассвете скрипящая дверь
 распахнется,
 Войдут и сядут на скамьи
 звезды.
 Грузные мужчины в грузных
 сапогах
 Встанут со скамьи и уйдут
 в сугробы.
 Над белыми крышами
 Снежное утро.
 Где-то пилюю скрежечет
 Скрипучая цепь колодца.

Уно ЛАХТ

Сегодня были гости допоздна.
 И дымом комната еще полна.
 Все выпито. Так что ж осталось
 мне?
 Не гуца ли кофейная на дне?
 Какой-то недослужанный рассказ,
 а может, что-то скрытое
 от глаз,
 как сельский родич, дремлющий
 в углу,
 так и не севший к шумному
 столу?
 Я распахнул окно. И подо мной
 друзья бредут по улице ночной.
 Блестит асфальт в накрапах
 дождей.
 Знакомый смех донесся и затих.
 Да, так мы все... Покинув
 чей-то дом,
 прощаемся, и всяк — своим
 путем...
 Мы руку жмем, мы подаем пальто,
 а нужных слов не говорит никто.

Перевод с эстонского
 А. Ревича.

Рисунки В. Сухомлинова

Армстронг — трубач, певец, актер. Ему принадлежит ряд композиций, у него есть свой оркестр, включающий лучшие силы джаза. Магический звук его трубы не оставляет равнодушным никого. А его манера пения с хрипотцой непривычна и очень интересна.

Гортанно-хрипловатый тембр часто встречается в речи африканцев. Это характерная вокальная краска певцов блюза. Армстронг профессионально обобщил эти тенденции и вынес их на эстраду.

«В возрасте пяти лет,— пишет музыкант в своих мемуарах,— я еще не играл на трубе, но в этом инструменте было что-то такое, что привлекало мое ухо. Когда я был в церкви или шел на параде за духовым оркестром, я внимательно прислушивался к различным инструментам, стремясь уловить, что и как они играют».

На трубе, точнее, на ее разновидности — корнете, мальчик научился играть в сиротском приюте, а свои вокальные способности проявил впервые, выступая с квартетом, составленным из таких же сорванцов, как и он сам. Ан-

самбль бродил по пыльным улицам и пел серенады перед балконами местных леди...

В 1922 году кумир детских грез Армстронга Джо Оливер вызвал его телеграммой в Чикаго, где в танцевальном зале «Линкольн-гарден» играл оркестр Оливера. Юноша стал профессиональным музыкантом. Он выработал собственный стиль импровизации, знание которого входит ныне в «образовательный ценз» каждого джазового музыканта, будь то трубач, саксофонист или пианист.

Импровизационные способности Армстронга широко известны. Он может варьировать мелодию более двадцати раз, и вариации при этом не будут терять ни мелодической окраски, ни ритмической остроты. У него сочный тон, блестящая техника. Это он ввел в прантину джаза «верхнее до» («до» третьей октавы), ранее недостижимый предел для трубачей. И его «до» стало символом искусства.

В. ВОЛЫНЦЕВ

В то время, когда в Соединенных Штатах Америки проходили негритянские марши протеста, Луи Армстронг был на гастролях в Европе. Наш корреспондент связался с ним по телефону.

На одиннадцатой звуковой странице вы услышите слова известного музыканта, которые вряд ли появятся на грампластинках, изданных на его родине.

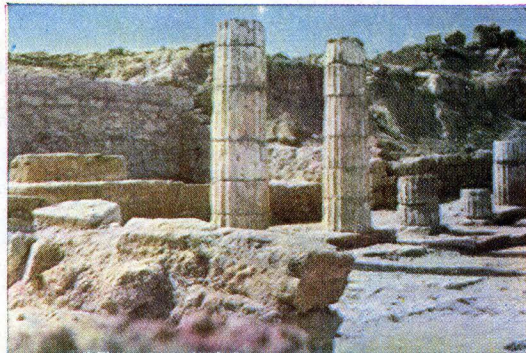

В глубь земли, в глубь веков.

4

интервью, взяты тысячу лет назад

Археолог — разъездной корреспондент истории. Из современности он отправляется в путешествие по столетиям, чтобы досконально изучить ту или иную местность времени.

Нетрудно представить себе, как может сложиться работа археолога двадцать девятого века нашей эры, когда он отправится в поездку к нам, в двадцатый. К его услугам будут великие хранилища библиотек, фото- и кинофонды. Наша цивилизация достигла такой зрелости, что, проявляя заботу о будущих поколениях, готовит свои визитные карточки на энциклопедическом уровне.

В этом смысле наши далекие предки были эгоистичны. Их не очень обременяли заботы, чтобы потомки имели о них глубокое и точное представление. Археологам приходится брать интервью у монет, горшков, светильников, стен, башен, пирамид, разгадывать ребусы иероглифов и шифрограммы клинописных таблиц. Им приходится вести диалоги в склепах с погребальной камерой, с оружием и, простите, с самим скелетом хозяина этих вещей.

Разумеется, находки — это только часть дела. Взяв интервью у предмета, археолог превращается последовательно в разведчика, историка, философа.

Как разведчик, он пытается проникнуть в глубинный смысл явления, постигает древние ремесла и архитектуру, разгадывает код, которым предки пользовались, создавая обряды и ритуалы, «шифруя» в них свою культуру.

Как философ, он отталивается от эмпирических наблюдений и данных, делает выводы и обобщения, формулирует системы воззрений, создает концепции. Как историк, восстанавливает страницы жизни человечества.

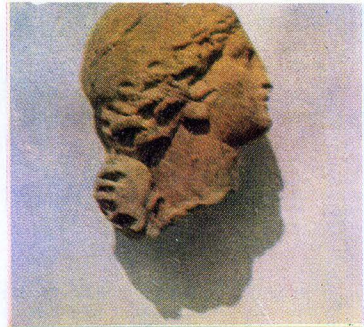
Археологи, с которыми я встретился на Крымском полуострове, стремились подчеркнуть невзрачность, однообразие, тяготы своей работы. Разговорить их было трудно, казалось, что они охраняют свои тайны, подобно курганам, перенимая у предков скупость на информацию.

Если бы раньше вместе с оружием клали в склеп пластинку с голосом погребенного, насколько облегчились бы «контакты» с Восточным царством, со скифами, сарматами!

— О, это было бы великолепно! — смеется Павел Николаевич Шульц, профессор, начальник экспедиции.

Мы включаем запись. Микрофон побывал в склепах, на развалинах древнего города Илурата, у костра, разожженного у подножия кургана Кара-Оба, в Керченском музее. Экскурсовод Людмила Валюкина рассказывает легенду о царе Митридате, а в ее рассказ врываются голоса археологов, которые раскапывают новые легенды, новые знания, погребенные в курганах, тающиеся под развалинами древних городов, чтобы расцвести солнечную корону человеческого разума.

И. САРКИСЯН

Крымский п-ов

Археолог, как крестьянин, имеет дело с землей. И она одаривает его опытом тысячелетий. На снимке: группа археологов, которой руководит профессор П. Н. Шульц.

Терракота «Геракл с петухом» эпохи расцвета Боспорского царства (III—II вв. до н. э.).

Столица Боспорского царства — древний Пантикапей (V в. до н. э.).

Золотое украшение с рубинами из могильника Кепы в Тамани.

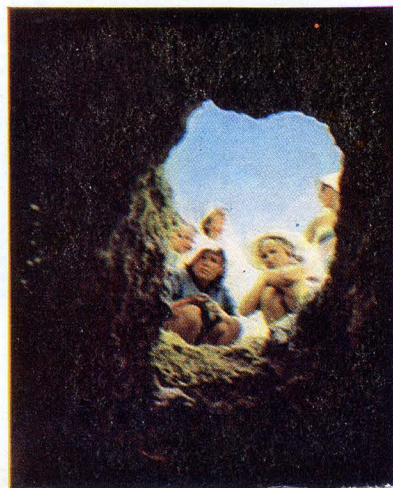
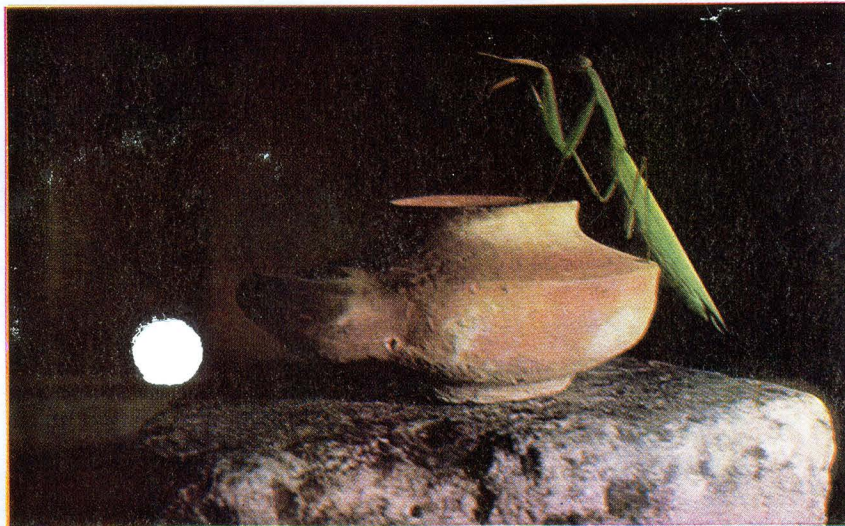
Терракотовая головка Афродиты из Мирмекия — древнего города рыбаков и виноделов (III—II вв. до н. э.).

Античный керамический светильник, найденный в Мирмекии (III в. до н. э.).

Под заступом археолога открылось подземелье. Что это — грабительский лаз, пробитый в надежде овладеть сокровищами, скрытыми под курганной насыпью, или хранилище для зерна?..

Боспорская монета середины IV века до н. э. На ней выбит герб Боспора с колосом и осетром. Боспорское царство — житница античного мира. Оттуда же экспортировались ценные породы рыбы.

Фото О. Чиликина

4(61) апрель 1969.

1. В звуковую книгу о В. И. Ленине. «С Ильичем в Разливе». Воспоминания Н. А. Емельянова.
2. Разведчик о разведчиках. Рассказывает А. Спрогис.
3. Обитаемый космос. Рассказ о полете «Союза-4» и «Союза-5».
4. Кара-Оба: на пороге тайны Боспорского царства.
5. «Сто дорог советской песни». К. Листов, М. Рудерман. «Песня о тачанке»; Петербургский Гарри, Н. Максимов. «Синий платочек»; Э. Колмановский, К. Ваншенкин. «Я люблю тебя, жизнь». Исполняют Краснознаменный ансамбль Советской Армии, К. Шульженко, М. Бернес.
6. Интервью за кулисами с Тарапунькой и Штепселем.
7. В. Салманов. «Лебедушка». Исполняют Раиса Волкова и хор Ленинградского радио п/у Г. Сандлера. Комментирует автор.
8. Бетховен. «Аппассионата». Фрагмент финала. Играет Святослав Рихтер.
9. Песенные премьеры. В. Рубашевский, И. Кашежева. «Любовь»; О. Фельцман, Ц. Солодарь. «Элефтерия». Поет Мария Лукач.
10. Эстрада планеты. Испанская певица Саломе. «Уважаю и буду уважать», «Венто — ветер», «Музыка».
11. Верхнее до джаза.
12. Танцевальные ритмы. Две босса-новы.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

Режиссер
Н. Субботин
Художник
А. Шторх
Технический
редактор
Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.

Телефоны редакции:
233-73-94, 233-74-59.

Б 04906. Подп. к печ.
17/III 1969 г. Формат
бумаги 84×108^{1/16}.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 631. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Все началось как будто с тривиального случая. Прославленные Ужвий и Бучма посмотрели студенческий «капустник» — это было в 1939 году, — посмотрели и говорят: «Что же вы, хлопцы, только однонашинок забавляете? Вам прямой путь на профессиональную эстраду».

Тарапунька и Штепсель рискнули. Впрочем, тогда это были Осветитель (Е. Березин) и Милиционер (Ю. Тимошенко). 21 июня 1941 года, пройдя республиканский конкурс, будущие народные взяли два плакатных билета в Москву. А на следующее утро на Киев упали бомбы... («Приехали на вокзал, нам пожелали успеха, и тут бонбочка: бух-бух»). Осветитель и Милиционер стали артистами фронтовой бригады.

Юрий Тимошенко рассказывает: «Мы много ездили по госпиталю. А у меня был чехомоданчик с формой милиционера, причем без обмана форма, в милиции доставали. И вдруг передали по радио: в Киев заброшены немецкие диверсанты, и многие из них одеты в милицискую форму. Садимся с Березиным в трамвай. И тут, как на грех, открывается у меня чехомоданчик и вываливается злополучная форма. Окружили нас, повели. По дороге снял мне кто-то поставил. У Березина кровь носом. Слава богу, милиционер один нас на концерте видел. «Забирайте, — говорит, — свое имущество и уходите». Мы говорим: «Нет. Формочка-то пусть у вас остается. На память».

„ДАВАЙТЕ...
БУДЕМ!“

Так покинули сцену Осветитель и Милиционер. Зато появились повар Галкин и банщик Мочалкин, которые лишь через пять лет трансформируются в привычных нам Тарапуньку и Штепселя с традиционными:

— Добрый вечер! Здоровеньки булы!
И в этой привычности — ожидание острой шутки, аплодисменты — всеозначающая известность. Но это лишь следствие, итог того, чего не видят зрители, — работы до спеланья.

Ефим Березин рассказывает: «Мы сыграли тысячи интермедий, написали две книги, выпустили фильм. Но большую часть времени забирает у нас застольный период. Сначала определяем ход и общую композицию. Затем садимся с любезными авторами за стол, в руки перья, и... А когда все готово, снова ломаем голову: где достать режиссера? У нас так и нет своего. Каждый — и швец и жнец. Ну, а если ошибаемся, корректирует зритель — наш режиссер, ценитель, судья».

А может быть, именно это и ведет артистов к признанию? К тому признанию, символом которого является доставленное почтальоном письмо с адресом из трех слов: «Тарапуньке и Штепселю...»

В. ТАМАРИН
Фото А. Лидова

ТЕАТР
КРУГОЗОР

ЭСТРАДА
ПЛАНЕТЫ

САЛОМЕ

Испания

Цена 1 руб.

У нее вздернутый нос и сильные руки. Разговаривая, она жестикулирует. Вообще Саломе очень похожа на каталонскую крестьянку. А как она поет народные песни! Когда на барселонском радио она, никому не известная балерина — тогда еще Роса-Мария Марко, — впервые спела перед микрофоном, все поняли, что произошло рождение певицы. С этого момента начала существовать Саломе...

Впрочем, отец Саломе, рабочий-металлист, считал, что Роса-Мария не оправдала его надежд. Отец ее когда-то был боксером-любителем. Он готовил Росу-Марию к спортивной карьере, тренировал с раннего детства. В четырнадцать лет девочка стала чемпионкой по плаванию. Немного позже Роса-Мария, упрямая, как все в Каталонии, решила бросить спорт и стать балериной. Она была принята в балетную труппу и уехала в двухлетнее турне.

Вернувшись, Роса-Мария занялась пением и в один прекрасный день появилась в радиостудии...

Первый успех певицы — на конкурсе средиземноморской песни. Саломе пела на каталонском языке... За семь лет — тринадцать премий, среди них — четыре приза «Лучшей испанской певице», которые присуждают большинством голосов слушатели радио. Саломе завоевывала призовые места на концертах в Италии, Чехословакии, Мексике, Польше.

В Сопоте она вышла на сцену Лесной оперы с песней «Музыка», с каталонской песней, которая при всей своей новизне была истинно народной.

Я не видел Саломе-спортсменку и Саломе-балерину, но слышал Саломе-певицу. И вместе с журналистами голосовал в Сопоте, чтобы традиционная журналистская премия была присуждена молодой испанской певице.

Г. АРУТЮНОВ